

динамика жизненных процессов, непрерывное изменение условий человеческого проживания, состояние непрерывной адаптации человека к ним, которое сопровождается стрессами и нежеланием вникать в событийные сложности, формирует в широких масштабах разнообразные явления эскапизма, пренебрежение семейными традициями и двойственностью в восприятии мира. В-четвертых, специфическое отношение человека к информационно-знаниевым ориентациям, формирующим его когнитивное поле в аспектах безопасности, жизнеобеспечения и личной успешности.

В то же время, учитывая непрерывность возрастания объема информации, ее значение для жизни современного человека, нужно отметить, что это, в свою очередь не только формирует ценность знания, но и повышает для человека значение образования. Указанные особенности ценностного состояния человека в контексте такого требования времени, как ориентация на самоактуализацию личного потенциала. Выходы из сложившейся кризисной ситуации нужно искать в сфере культуры, в направлении человеческой духовности, и определяющую роль здесь должна играть сфера воспитания и образования. Именно здесь есть внутренние резервы для преодоления «разрыва» человека со своим Я, своей родовой сущностью, тенденциями массовой глобальной обезличенности.

Литература

1. Машины желания и просто машины: Беседа с Феликсом Гваттари // Рыклин М. Деконструкция и деструкция: Беседы с философами. М., 2002.
2. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988; Петренко В.Ф. Телевидение и психология // Телевидение: вчера, сегодня, завтра. Вып.6. М., 1986.

С.З. ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург

А.В. Холзаков

г. Асбест

НРАВСТВЕННОСТЬ – ПЕРВООСНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Мы попытаемся обосновать тезис о первичности нравственности не только в антропогенезе, но и в современных условиях. Более того, пока нравственные императивы будут верховенствовать и в реальной политике, и в межличностном общении, до тех пор род человеческий будет развиваться по вектору восхождения, а не нисхождения.

«Переворот» М. Канта в философии заключается в том, что он утвердил идею: субъект не адаптируется к объективной реальности, а адаптирует ее к себе посредством внешних орудий, самостоятельности воображения, рассудка, свободной воли, веры. Но за самостоятельностью творческих сил скрывается единая, *человекообразующая* инстанция – *свобода воли*; из нее вырастают и воображение, и мышление, и эстетическое освоение реальности. Принцип произвольности, писал Ю.М. Бородай, стал «коперниковским переворотом», необходимой предпосылкой понимания «свободной целесообразной деятельности как сущности всех человеческих проявлений вообще» [1. С.23]. Генетически исходной в антропогенезе явилось становление нравственности, *совпадающее со становлением свободы воли*.

Рассматривая начало человеческой истории, Кант сразу отметил главное: *сдерживание инстинктов* (пищевого и полового), связанное со страданием. «Отказ» от власти инстинкта пола «и был тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность – в любовь, ощущение, просто приятное, – в понимание красоты, сначала в человеке, а затем и в природе». Начало истории Кант связывал с нравственной саморегуляцией. «Соккрытие того, что могло бы вызвать презрение» дало «первое указание к воспитанию человека как нравственного существа. Незаметное начало, – создавшее, однако, эпоху тем, что дало совершенно новое направление образу мышления, – важнее, чем следующий за ним необозримый ряд завоеваний культуры» [4. С.47–48]. Выходит рождение нравственной саморегуляции первично по отношению «ко всем завоеваниям культуры»! Канту была присуща гениальная проницательность.

Что же побудило предгоминидов к великому «отказу», к торможению природных вожделений? Почему психика человека вырвалась из рефлекторного кольца и стала *удаивать реальность* на чувственно-воспринимаемую и воображаемую? Крайне суровые обстоятельства, которые тщательно проанализировал Ю.М. Бородай в своей замечательной книге.

Он спрашивает: «как бессознательный, реактивный механизм биологической ориентации в среде естественноналичных раздражителей мог превратиться в «сверхъестественный» свободный акт произвольного идеального представления и целеполагания? Как стадо животных могло превратиться в социальный (простейший – «тотемический») организм, предполагающий *сверхбиологические* (нравственные) принципы

объединения? Как манипулирование естественным предметом в рамках актуально-оптической ситуации (голод – палка – плод) могло превратиться в акт преднамеренной целесообразной деятельности, предполагающей изготовление и сохранение орудия? [1. С. 17–18]. Зададим еще вопрос: почему в деятельности человека будущее (цель) направляет настоящее?

Причиной возникновения первичных актов воображения в процессе антропогенеза стали «жесткие сексуальные ограничения в первобытно-родовой общине – отказ от половых связей внутри сообщества, результатом чего и явилась первая (тотемная) форма экзогамии». Существенно то, что «эта первая форма первобытно-человеческого аскетизма была результатом не внешнего запрета, но самоограничением мужских особей, их *внутреннего самоограничения*, т.е. совести, непосредственным проявлением которой явился стыд. Человек стал человеком тогда, когда он впервые надел повязку на бедра» [1. С. 359].

Формой запрета половых связей внутри общины явилось *табу*, представленное в виде *тотема*: зротика – смерть – табу. Родовой бог – «символ бунта против себя самого, против природно-биологической детерминации своего “Эго”». Путь к Богу – подавление своих инстинктов, аскетизм. Это первый шаг к свободе воли – покорение природы» [1. С. 178]. Замечательно то, что тотем – «всеобщий принцип родовой организации» у всех народов в древности [1. С. 121].

Самоограничение стало исходным принципом нравственности, началом всякой дальнейшей надприродной социальной связи. Как в древности, так и ныне аскеза есть «живой нерв всякого продуктивного созидания вообще» [1. С. 360], будь то продуктивная экономика, возрождение страны или духовное творчество в культуре.

Табу, самоограничение – первая, архаическая «форма совести». Ведь совесть, пишет Ю.М. Бородай, есть способность «раскаиваться в собственном воображаемом поступке и делать его впредь запретным. Если мы говорим, что данный человек глубоко совестлив, это не значит, что он не имеет “порочных” страстей, что он не знает “соблазнов”; это лишь значит, что он обладает развитой способностью “сначала думать, а потом делать”, т.е. способностью идеально “проигрывать” (просматривать) все возникающие собственные побуждения в воображении и отменять, накладывая запрет на те из них, отдаленные последствия осуществления которых он воспринимает как противоречащие более важным своим ценностям, целям, принципам». Рождение совести есть по существу «рождение свободы воли или, что то же самое, – *вменяемости*» [1. С. 167].

Вменяемости чего? Быть человеком, а не зверем, *самому определять себя к действиям согласному должному*. Это означает идентифицировать себя с образом человека – чтить в себе и в других достоинство, признавать равноценность достоинства людей, независимо от их эмпирических состояний.

Человек обрел способность *свободного* решения – реагировать или воздержаться. «С этого момента среда теряет свою всеисильность, ее диктат становится не абсолютным; самой главной и устойчивой для человека становится *собственная его воля* – нравственный долг, который должен выполняться независимо от эмпирически данного состояния наличной среды, вопреки ей, т.е. вопреки собственным побуждениям» [1. С. 168].

Порождение собственно человеческой психики, замечает Ю.М. Бородай, вначале было исключительно *«мужской монополией»*. Женщина остается на первых этапах пассивным объектом смертельно опасных для мужчин, но тем более мощных эротических устремлений, которые мужчинам надобно самим подавить в себе, чтобы выжить и сохранить общность. «И мужчины справились с этой задачей, в награду за что получили тонко развитое воображение», призванное переводить сексуальную энергию на нейтральные объекты. Второй радикальный этап аскезы коснулся женщин. Рождение образа мадонны, «превращение христианского мифа о непорочном зачатии в нравственно-религиозную максиму, а затем и в общезначимый культурно-исторический идеал – стало причиной второй в истории человечества крупной массовой волны эротического аскетизма, самоограничения вообще, на этот раз самоограничения не только мужского, но и *женского»* [1. С. 359–360].

Что побудило предгоминидов затормозить природные вождения и заняться постоянной орудийной деятельностью? Например, обрабатывать одним камнем другой камень? Ведь камни не съедобны, витально нейтральны. Соображение о том, что предгоминиды заметили эффективность орудийной деятельности и стали ею заниматься, не выдерживает критики, так как содержит *круг в объяснении*: предполагается, что особи *уже* сравнительно постоянно использовали орудия.

Бородай выводит орудийность из самих особей, из трагического противоречия: эротика – смерть. Один инстинкт столкнулся с другим; половой инстинкт – с инстинктом самосохранения; природное вождение – с психическим потрясением от кровавой бойни. Табу, *самозапрет* символизировались внешним образом в виде тотема. Животное-тотем

нельзя поедать. Став запретной, ситуация амбивалентности (эротика – смерть) продолжает совместно воспроизводиться в мистических обрядах, часто связанных с пытками (посвящение в мужчины). Символическое воспроизведение такой ситуации закреплялось коллективными представлениями на основе магических действий, из которых затем вычленяются «рационально-практические элементы, подлежащие прагматической утилизации». Воздвижение фаллических культов предполагало обработку камня. Но мотивом являлась не витальная потребность, а сугубо символическая – поддержание запрета. Изобретение первых орудий, приручение животных совершалось, видимо, «в рамках магически-ритуальных действий» [1. С. 172].

Согласно Ю.М. Бородаю, именно разного рода «пришельцы, «завоеватели», не посвященные в эротическую магию, наращивали прагматическую сторону магии – разведение скота для дани с покоренных общин, меновые отношения и т.п. Пришельцы-варвары, требуя с покоренных регулярной дани, интенсифицируя «производство», навязывали производителям свои «утилитарно-прагматические, меновые критерии и принципы оценки «продукта» – их интересовали животные не в их *символическом* значении, но как «достаточно увесистые и жирные». Внешнее принуждение к такому упрощению превращало религиозно-ритуализированную деятельность, эротически заряженную и подобную бескорыстному искусству, в «бремя», в подневольный труд, подчиненный «внешней целесообразности». Одновременно аутистическое мышление туземцев отдалается от своих «мистических» корней, становится более «трезвым», подчиненным «принципу реальности». Так осуществлялся переход от «пралогических форм аутистического сознания к беспристрастному рационально-прагматическому мышлению» [1. С. 173–175].

Применительно к теме нашего исследования особо важен следующий аспект концепции Ю.М. Бородая – объяснение, как возникла *свобода воли*. Она возникает в суровом процессе *самоограничения*. Рождение совести – «это и есть, по существу, рождение свободы воли или, что то же самое – вменяемости» [1. С. 167]. Свобода воли выражается и в совести и в свободе воображения и т.д. В генезисе социальной связи (нравственности, свободы воли, воображения) осуществлялось отделение «формы» от «материи», вожделений – от предмета вожделений.

Происходила длительная *биопсихическая «ломка»* индивидов в корневой сфере – в области пола, *воспроизводства биологического вида*.

Это – мучительный разрыв естественной связи, отделение природного вождления от предмета вождления. Тяжесть этого разрыва трудно сравнить с чем-либо в дальнейшей истории. Его можно приблизительно уподобить отделению производителя от средств производства, земледельца – от земли, все ужасы которого Маркс описал в «Капитале» в главе о первоначальном накоплении капитала.

Возникнув как исключение, самозапрет стал *правилом* во всей дальнейшей человеческой истории. Он возник в *отдельной* области жизнедеятельности, чтобы затем охватить *все остальные*. Концепция Ю.М. Бородая представляется обоснованной потому, что генезис человеческой психики связывается с глубинными антропологическими измерениями, позволяющими понять, что же побудило прачеловека сдерживать мощные природные вождления и перевести (сублимировать) их в *надприродные* формы реализации. Из этой концепции можно сделать ряд выводов.

Во-первых, нравственность – не побочный аспект жизни, а *генетически исходное всеобщее определение социальной связи*. У всех народов с древности и по настоящее время нравственность базируется, в конечном счете, на *абсолюте*, на *религиозных святынях*. Нравственность потому подкрепляется религиозно-культовой практикой (абсолютом), что сама она является *абсолютной*, всеобщим для всех членов социальной общности *условием существования* социальной связи *вообще*, общения и многообразных общественных отношений в особенности.

Во-вторых, из нравственной регуляции следуют все дальнейшие основные характеристики человека – свобода воли, намеренный характер чувств и мыслей людей, воображение, понятийное мышление с его способностью возводить частное во всеобщее и общезначимое; идентификация индивида с той или иной общностью, ценностями; понимающие общественные чувства человека, побуждающие к солидарности, сочувствию и т.д.

В-третьих, эрозия нравственности есть угасание социальной связи, *деградация* по всей линии бытия людей, *десоциализация* индивидов с их невротами и различными деструкциями. Не случайно, распаду социальной связи предшествуют «сексуальные революции». Ни право, ни полиция, ни утонченное администрирование, ни материальное благополучие не в состоянии заменить нравственную регуляцию, нравственную общность субъектов со *свободой* воли. Ибо такие субъекты могут объединяться в общность на мотивах *добровольности*. Нравственность и есть

неинституциональная *саморегуляция* поведения на основе самоповеления, самоконтроля, самооценки, самоуправления индивидов.

Какова связь между *нравственностью и мышлением*? Истоки мышления уходят, вероятно, в социальную связь, в ее исходную – *нравственную* форму. Логика производна от нравственности как реального отношения и как повелений.

Во-первых, *нравственные императивы всеобщи и общезначимы* с самого начала для той или иной социальной группы. Иначе социальная общность невозможна; т.е. нравственные императивы связаны с *абсолютными* факторами бытия людей. Мышление тоже состоит в возведении единичных и частных фактов во *всеобщую* форму – в форму понятий.

Во-вторых, нравственные императивы обращены к *воле* и ориентируют на *действие*, на поступок. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором практическим, и именно поэтому и логическим*. Понятийному мышлению предшествовала длительная практика возвышения индивидуальной психики до сверхиндивидуальных повелений, «Эго» – к первичному «супер-Эго». Последним «и был тотем – архаический родовой бог, которого нужно было любить больше себя самого (самоотречение)» [1. С. 178].

В-третьих, нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, они *сверхситуативны* и прямо требуют *первичности идеального* над непосредственным опытом, требуют *осуществления должного*, а не только *индивидуально* желаемого. А должное есть схемы работы воли. Должное полагается как *цель*, определяющая внешнепредметную активность человека. Ведь мы производим целенаправленно – будь то понятия, поступки или вещи. Получается такая связь: свобода воли → нравственные императивы → должное → цель → производство чего-либо.

Первичная надприродная социальная связь (нравственность) превращается под разными «вывесками» в *субстанцию* человеческой активности. Оказывается, за продуктивным воображением, творящим предметные понятия, тоже скрывается *свобода* воли, ставшая таковой (свободной) благодаря длительному процессу самоограничения, которому *мы учимся и поныне*, а род человеческий будет учиться *всегда*. Выходит, и способы мышления (логические категории) тоже есть схемы работы ... свободной воли? Бородай приходит к такому выводу [1. С. 286–287]. Именно должным человек оценивает то, что есть. Если реальность, сотворенная человеком, соответствует должному, то ее и называют

истиной в подлинном смысле этого слова. Истина – слишком высокое по смыслу слово, чтобы определять ее как соответствие знания действительности (Аристотель). Это не истина, а *верное знание*. Истина обретается страданиями и мудростью, а не экспериментом, как верное знание. Евангельские слова «Я есть путь, истина и жизнь» содержат именно такое понимание истины.

В классической философии система значений так или иначе организована *вертикалью* ценностей, которые, сознательно или нет, направляют мышление. А вершиной вертикали, как правило, являются ценности с *нравственной доминантой*. Философские системы Платона и Гегеля увенчаны идеей *блага*. Кредо Эпикура – нельзя жить разумно, не живя нравственно. Установка – познавать природу, чтобы правильно жить – составляет духовный остов европейской философской классики Нового времени. Р. Декарт разумел под этикой «высочайшую и совершеннейшую науку о нравах; она предполагает полное знание других наук и есть последняя ступень к высшей мудрости» [3. С. 427]. Б. Спиноза в своей «Этике» желает направить все науки к одной цели – «к достижению наивысшего человеческого совершенства» [5. С.VII]. К. Маркс вдохновлялся *нравственным* мотивом – работать на человечество. «Героями нравственности», по выражению Маркса, являются Кант и И.Г. Фихте. Русская философия зародилась как «кардиогнозия», как «сердечное познание» и развернулась в XIX-XX вв. как *духовно-нравственная* теория человека, семьи, Родины, государства, хозяйства, труда, собственности.

В-четвертых, в историческом развитии образование понятий, вероятно, было производно от нравственных требований *родовых общин*, обращенных к индивиду: делай и поступай согласно *общепризнанному, всеобщему* (велениям богов, предков). Тем самым преодолевались природные вожеления и *аутизм* психики индивида. Аналогично развитие и современного детского мышления, замечает Ю.М. Бородай. «Превращение исходного аутизма ребенка в рациональные познавательные структуры немислимо без подчинения воле взрослых, без элементов внешнего принуждения» [1. С. 174]. Овладение реальностью, пишет Бородай, «путем превращения интимно близкого каждому “нравственно-должного” в безлично-логическую необходимость познавательного понятия очевидно было на первых порах делом весьма мучительным и рискованным. Историческая шлифовка ценностно-познавательных схем стоила человечеству множества “синяков”, ибо у наших предков, решившихся на сумасшедший акт вольного *идеального* представления

должного, не было никакого иного способа связать свои произвольные схемы с реальностью, кроме метода проб и ошибок – нужно было рискнуть войти в воду, чтобы научиться плавать». В системе образования современные поколения получают понятия «путем усвоения “вторичной реальности” – в значительной мере уже очищенного от культово-нравственной мифологичности космополитически *общезначимого* научного языка, становящегося аккумулятором всякого “чистого” знания». Таким аккумулятором сегодня становится «машинный язык кибернетических роботов» [1. С. 309].

В-пятых, исходить из *должного*, чему учит совесть, значит исходить из представляемого *будущего*, из общезначимого *эталона*, а не из витальных импульсов тела. Самоограничение в настоящем ради будущего сформировало фундаментальную способность человека: *его активность организована отношением «будущее → настоящее»*. Эта способность отметил Кант, является «решающим признаком преимущества человека» [4. С. 48].

В-шестых, а это самое важное, возникшая нравственная связь практически обучала видеть за *внешними различиями тождественное, главное*: тотем отождествлял членов первобытной общины, сообщал им общую «идентичность», в рамках которой отношение различных индивидов воспринималось как отношение целого к самому себе, представленное визуально в тотеме. А отношение к самому себе (бытие-в-себе-и-для-себя) составляет суть диалектики, которую гениально раскрыл Гегель в учении о сущности и о понятии. Относиться к себе и к другим как представителям одного и того же начала, не застревать на различиях – этому нравственная связь учила ежедневно, будь то защита территории или всякое иное *общее дело*.

Вернемся к вопросу о генезисе идеального. Нежный росток воображения, идеального, возникший в долгих *муках самоограничения*, модифицировал, с одной стороны, внешнепредметную активность (произошло удвоение реальности на чувственно воспринимаемую и представленную), а с другой, – получил опору для своего развития в надприродных формах активности индивидов. Функция представительства развилась не в голове, а с помощью головы, внешних органов чувств в *социальных процессах*, в повседневной практике которых индивиды в актах общения и разделения труда превращались в *представителей* – той или иной общности, или социально значимой функции, или той или иной социальной роли.

Самый важный предмет для человека – человек. Социальная связь, а не орудийная деятельность, не операции и т.п., дает ключ к разгадке феномена идеального. Практическое представительство индивидами своих социальных статусов друг другу сформировало саму способность представления – и как общепсихическую способность замечать реальные предметы их образами, и как способность мышления представлять одним предметом особенности других предметов; предметы-символы (заместители иных предметов) освобождались в дальнейшем от своей внешней материальной оболочки, переносились из поля внешнего восприятия в сознание как нечто идеальное, как значения, которые в свою очередь в процессе специализации, разделения труда, духовного производства принимали различные формы – понятий, художественных, религиозных и других общественно важных образов, символов, вплоть до логических категорий; функция представительства явилась «матерью» такого общечеловеческого феномена, как идеальное. Вырастая из социальных коммуникативных процессов, функция представительства превратилась в отличительный для разумного существа способ работы психики. Сознание тем и занимается, что удваивает реальность, замечая ее значениями. Причем, значениями общими, всеобщими, социально важными. Э.В. Ильенков обоснованно акцентировал всеобщность идеального, его всеобщие формы, отделяя их от тех «вихрей», которые проносятся в психике индивида. Ведь всеобщность значений есть логическое выражение общественности человека! Если воображение, сознание остаются атрибутами человека, то, следовательно, они необходимы для обслуживания социально важных функций. Социальные институты представительства пронизывают все сферы общества: выборы снизу вверх превратились в целую отрасль социального производства. Руководители представляют своей волей воли коллективов. Социальная функция представительства творится коллективно из века в век, закрепляется социальными технологиями и становится общей формой работы психики индивидов. Возникнув из коммуникативных процессов, функция представительства экстраполируется на все новые области активности субъектов.

Деформации мышления, духовной сферы вырастают, конечно, не из техносферы самой по себе, а из превращения социальной связи в овещненную связь ценой нарастающей утраты человеческой общности, нравственных императивов экономики, политики, управления. Нравственность есть чистая форма выражения человеческой общности. С

ее разложением распадается вся культура, все хозяйство и вся политика и все правосознание. В нравственных отношениях субъекты *признают равноценность достоинства друг друга*, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются братство и духовная солидарность между отдельными людьми и между народами. С такого признания и начинается нравственность, которую не следует путать с моралью. Мера в признании равноценности достоинства исторически меняется. Нравственный прогресс состоит в приближении к полному признанию достоинства как на уровне личности, так и на уровне того или иного народа. С отрицания равноценности достоинства и начинаются все формы деформации, будь то экономический гнет одних другими, использование политиком своей должности в своекорыстных целях, псевдонаука и псевдодемократия. Грех материализма связан, в частности, в сведении нравственности к неглавной, несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». Религия, вне всякого сомнения, усиливает нравственные императивы тем, что сообщает нравственности *абсолютную основу*: если душа каждого есть образ и подобие совершенства Божия, то субстанциально, по происхождению, душам всех людей присуще равное достоинство; т.е. религия объясняет доступно каждому, почему наши души равноценны по своей субстанции. Но и для людей, не разделяющих религию, нравственные императивы в экономике, политике, культуре, в личной и гражданской областях жизни призваны быть *основными ценностными ориентирами*.

Мы это утверждаем на следующем основании. С позиций материализма, а он, как правило, ориентирован на внешний опыт и на внешнего человека, экономика первична, а нравственность вторична; нравственность вырастает из сытого желудка как клеверный листок из чернозема. Вот материалисты и обустроивают жизнь в ее внешнем измерении. При этом материалистически ориентированные субъекты распространяют *метод естествознания на человеческую реальность*. Тем самым они грубо смазывают *различие между объектами естествознания, не обладающими свободой воли, и разумными существами со свободой воли*. Для них отношение между материальной жизнью и нравственностью подобно отношению между температурой металла и его объемом: если металл нагреть, то его объем увеличится. Такое понимание выдается за «научное», объективное. Из-за такого понимания, в частности, и рухнул Советский Союз. Подобные «материалисты» вообще не понимают природу нравственности, которая всегда, во всей писаной истории, исходила и ныне

исходит из *должного*, а не из того, что существует под носом, в ближайшем окружении. Исходить из *должного*, значит *исходить из наилучшего* – *что свое достоинство и достоинство других в равной мере. Нравственность императивна, повелительна – «да будет так»! Наперекор всем обстоятельствам!* Таково ее кредо. Ныне Россия зарастает алчностью, коррупцией, преступлениями, воровством народного достояния, пьянством, вседозволенностью по отношению к социальным нормам общежития. Такова практика. Что же, следует «адаптировать» молодых специалистов к такой практике? Ибо практика первична, а теория вторична? Нравственность повелевает признать равноценность достоинства лиц и согласно такому признанию реализовать *должное* общежитие, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Ни из какой практики этот благородный принцип не следует. Из практики следует нечто иное: урвать себе побольше и удрать. Так велит инстинкт, который тоже целесообразен, но граница его целесообразности крайне узка. Нравственность же согласует цели различных субъектов на основе равноценности их достоинства и повелевает созидать хозяйство и культуру на такой основе. Нравственность, следовательно, по своей природе не может быть непервичной по отношению ко всем отношениям – и экономическим, и «идеологическим». *Первичность нравственности* есть иное выражение *первичности людей* по отношению к их внешним произведениям по логике: «творец первичен, его творение вторично». Указанные материалисты, считают наоборот – первично творение, а не творцы, первична экономика, а не нравственность. На самом деле, нравственность и есть идеология человека, всегда обосновываемая и усиливаемая религией.

В какой Палате мер народ хранит эталонную меру человека? Петр может относиться к самому себе как к человеку, если он относится к другому индивиду, Павлу, как к *человеку*. Относясь к Павлу как к человеку, Петр актуализирует и развивает в себе человеческие качества и тем самым отличает в себе природное от социального. В отношении «Петр = Павел» Павел как таковой, «во всей его Павловской телесности», становится для Петра формой проявления рода “человек»» (К. Маркс). Павловская телесность сростается с человеческим обликом, и человеческое дано Петру в *единичной* форме – в виде Павла. С расширением круга общения «Петр = Павел = Фома = и т.д.» надприродное человеческое начало получает для Петра *особенную* (развернутую) форму выражения во

многих людях. В общении со многими людьми всеобщее человеческое начало получает *развернутое* выражение и проступает для сознания явно; природные особенности многих отдельных людей воспринимаются как нечто несущественное и случайное, как некий фон для *социальных качеств*. Такие качества теперь не отождествляются ни с индивидуальностью Павла, ни с индивидуальностью Фомы и т.д. В самом общении происходит отделение социальных качеств людей от их натуральных особенностей. Как же осуществляется осознание всеобщности рода человек? Кто представляет собой абсолютный эталон человека?

Всеобщая человеческая природа может быть представлена лишь через бесконечный ряд людей. Созерцать такой ряд никто не в состоянии. Поэтому человеческую природу надо выразить в *персонифицированном виде*, в *одном лице*, которое стало бы *всеобщим представителем рода «человек»*. Такой всеобщий представитель рода «человек» необходим в качестве *абсолютной меры для оценки людей друг другом*. Такая мера вначале существует реально, а затем – идеально, в представлении людей. На такой эталонной мере люди основывают свои *нравственные отношения*. Нравственные представления, замечает известный антрополог Ю.М. Бородай, тоже не научны, как и религия. «Но бессмысленно ставит вопрос об их *истинности*, ибо у них совершенно иная функция, вовсе не познавательная, – это цемент, скрепляющий общность. Функция важная – *первостепенная* в антропогенезе» [1. С. 187]. Нравственные отношения зиждутся на представлении о том, что все люди являются представителями *единой человеческой субстанции*, и поэтому достоинство каждого равноценно по существу. Осознание принадлежности к единому человеческому роду выражено в таком духовном и понимающем чувстве, как совесть. Совесть оценивает помыслы и деяния, исходя из *равноценности достоинства каждого человека, независимо от пола, национальности и социального положения*. Совесть существует в человеке, но она независима от его произвола и судит надындивидуальной, всеобщей, мерой. Хотя люди разные, но *когда они поступают по совести, они поступают одинаково*, согласно своей единой сущности. Но за совестью скрывается *идеальная мера* рода «человек».

Такая мера должна быть, она абсолютно необходима для входа в человеческий социум: она выступает *эталонном-образцом*, который члены той или иной социальной общности признают свободно и добровольно, *идентифицируют* себя с ней, оценивают друг друга единой мерой (как

товары деньгами); на основе такой меры возникает *первичный социальный акт – взаимное признание*, из которого следуют взаимное доверие, добровольное взаимное уважение и служение, ответственность, взаимопомощь и духовная солидарность. Доверие – это выражение взаимного признания в качестве представителей единой общности. Без доверия невозможен и кредит в банке. На основе такой меры возникает *согласие в душах*, а затем – согласие во внешних делах. В рамках такой меры члены общности неразличимы – все они суть представители *одного достоинства*; примерно так же, как эквивалентны, равноценны товары с одинаковой стоимостью не зависимо от *различий* их потребительных стоимостей.

Если такая мера размывается давлением частных интересов, то распадается и социальная общность, ибо теряется единая идентичность, чувство «мы». Происходит то же, как если бы хозяйствующие субъекты сами стали печатать деньги по своему образцу, и каждый из них предлагал бы свой «всеобщий» эквивалент стоимости. Товарообмен был бы парализован. *Как в экономическом обмене необходима единая идеальная мера стоимости, так и в общении людей необходима единая идеальная мера принадлежности каждого к роду человек.* «Функция коллективных нравственных представлений, – пишет Ю.М. Бородай, – состоит в обеспечении *единства ценностной ориентации* многих «Я», включенных в данную общность, посредством идентификации их с какой-нибудь одинаково отстраненной от всех идеальной сущностью» [1. С. 189].

Кто же выступает в роли такой меры – в качестве *всеобщего* представителя рода «человек», в роли «всеобщего эквивалента» родовой сущности человека?

Это зависит от размеров той или иной общности, от степени универсальности общения людей. Такой сущностью в ходе истории выступали образы племенных богов, былинных героев. Это – *особенные* меры. Мировые религии вселяют в души *абсолютные идеальные меры* рода «человек» в образах Будды, Христа, Мохаммеда, возвышаясь тем самым над национальными, экономическими, политическими, идеологическими, культурными особенностями различных народов. В культивировании совершенных образцов, как идеальных мер человеческого рода, заключается необходимая, *духовно-интегрирующая* функция религии. В ней люди на протяжении тысячелетий осуществляют из поколения в поколение *самокодирование на совершенных образцах* и

тем самым самоусиливают себя духовно, спасаются от своей животности благодаря нравственным повелениям, «исходящим» из Абсолюта.

Существует Палата мер и весов с эталонами-мерами физических величин – времени, веса и т.п. Так же существует в сознании народов эталоны-меры самого человека. Таким эталоном человека и является образ Божий, как *абсолютная мера человека и человечности*. Функция науки – дать адекватное отображение объекта *мыслью*, функция религии и нравственности – духовно объединить индивидов «со свободной волей» в «братскую общность». Задачи разные, требующие разных технологий. Социокультурная роль религии и нравственности важнее инструментальной функции науки. «Соборный культовый ритуал, – замечает Ю.М. Бородай, – бессмысленный с точки зрения познавательной функции разума, – нормальная и, как оказалось, самая эффективная форма символизации нравственных представлений первородной общины, религиозной конфессии, и даже атеистической общности, основанной на “рациональной” идеологии» [1. С. 189]. Французские якобинцы, отменившие религию Бога, стали создавать новый «культ Разума». Л. Фейербах Богочеловека заменяет человекобогом. Свой культовый ритуал ввели немецкие нацисты.

Однако светская религиозность – без Бога, без всеобщего символа духовного единения. Поэтому теряется *духовная идентичность*, нравственность теряет свою абсолютную опору и всеобщность, вытесняется правом и полицией. Первобытные общины большую часть времени уделяли религиозному культу. Зачем они это делали? Ведь символические культовые действия не создавали материальный продукт. Они создавали намного важный продукт – идеальный, коллективные представление о своей идентичности, нравственные коллективные самоповеления, коллективное самокодирование поведения на единых представлениях. Этнограф, пишет Ю.М. Бородай, как правило, недоумевает, он не понимает, что все эти «безумные» ритуальные действия исходно направлены не на реальное преобразование окружающей среды с целью познать ее или извлечь для себя какую-нибудь материальную выгоду. «Подлинный смысл ритуала – достижение мира в общине и ее *единства* посредством *идентификации* каждого “Эго” с надындивидуальным (отстраненным) идеалом (Богом), который в качестве “супер –Эго” будет диктовать каждому пусть, на наш взгляд, нелепый, но *общезначимый* нравственный императив». С точки зрения антропогенеза, заключает Ю.М. Бородай, «*нравственность глубже разума*» [1. С. 188].

Должное выше истины, если ее понимать как соответствие знания предмету. Предмет-то может быть убогим. *Подлинная истина есть соответствие должному совершенству.* Истинный друг тот, кто в самой действительности осуществляет идею дружбы и соответствует такой идее – мере. Без идеальных мер-образцов не было бы должного, идеалов, а значит и стремлений к ним, не было бы благородства, ценностного вдохновения и творчества.

Идеология современного радикального либерализма не состоятельна потому, что она подменяет всеобщие идеальные меры духовной солидарности людей частной моделью «экономического человека», приспособленного к рыночной экономике; эффективность социальных усилий сводится к узкой стоимостной мере – к деньгам. Тем самым уничтожается «символический капитал» общества (П. Бурдьё), и подрываются глубинные основы социума. То, что это так, убедительно раскрыл в своей книге «Смерть Запада» бывший советник президентов США Никсона и Рейгана, кандидат от Республиканской партии на выборах в президенты в 1992 и 1996 годов Патрик Дж. Бьюкенен [2]. Рыночная экономика, экономикоцентризм без верховенства нравственных императивов бесперспективны.

Ныне техногенная цивилизация добивает себя окончательно принципом капитала: максимум прибыли, минимум совести. Схема классического капитализма Д – Т – Д' заменяется спекулятивной ростовщической схемой Д – Д', без процесса производства, но с спекулятивными финансовыми пирамидами. Кризис социальной связи обрел масштаб планетарный. Дело не в дефиците углеводов, а в дефиците совести, а значит и культуры. Совесть – главное нравственное разумное чувство – исходит из *равноценности достоинства* каждого человека, что проявляется в известных императивах: чти достоинство свое и других лиц; поступай так, чтобы твой мотив стал принципом всеобщего законодательства; не превращай других людей только в средство для своих целей, человек – самоцель. Эти императивы отрицают саму основу капиталистического производства, в частности, угнетение. Но они же служат предпосылкой всех форм культуры, положительной социальности.

Социализм означает буквально жизнеустройство, в котором *человеческая социальность* получает свободное самодеятельное развитие. Но сама социальность возникает как нравственная связь. Следовательно, социализм в его истине есть нравственное общество. Следует освободить идею социализма от ржавчины вульгарного материализма, от фетишизма

собственности (общественная собственность сама все уладит), от воинствующего атеизма и последовательно, неуклонно созидать всю социальность – культуру и образование, экономику и политику – на нравственной основе, *практически признавая равноценность достоинства каждого человека*. Это трудно, это – «узкий путь». Но другого пути нет. К. Маркс и Ф. Энгельс были атеистами. Это – их личное дело. Зачем же их личное дело надо было в православной России «огнем и мечом» превращать в дело публичное? Когда «стрельцы» от науки и либерализма метят в Бога, они всегда попадают в человека, в первооснову общежития и коллективной идентичности – в нравственность.

Литература

1. Бородай Ю.М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада: Пер. с англ. А. Башкирова. М., 2003.
3. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
4. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
5. Спиноза Б. Этика. М., 1932.

Я.Н. КАЩУК

г. Екатеринбург

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В философии экзистенциализм определяется как существование (от позднелат. – *ex(s)istentia* – существование). Основные идеи экзистенциализма появились в XX столетии: накануне Первой мировой войны в России (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.Шестов), после нее в Германии (М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс) и в период Второй мировой войны во Франции (С. де Бовуар, А. Камю, Э. Левинас, Г.О. Марсель, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр). В середине века экзистенциализм широко распространился в Италии (Н. Аббаньяно, Э. Пачи), Испании (Ортега-и-Гассет), Японии (Седзо Сидо, Мицуро Муто, Тасуку Хаара). Получив наибольшее признание и популярность, экзистенциализм стал одним из наиболее влиятельных и продуктивных культурогенных факторов эпохи, он определял интеллектуально-духовные поиски широких слоев интеллигенции, оказал сильное влияние на литературу, литературоведение, искусство. К экзистенциальной философии относятся те учения, в которых